

Аграрная политика в контексте традиций белорусской деревни: компаративные аспекты (первая четверть XX в.)

Аннотация. В статье анализируется аграрная политика в Беларуси в первой четверти XX в. Исследуются механизмы и формы трансляции традиции через экономическое поведение и социальную психологию крестьянства. Рассматриваются особенности реализации столыпинской аграрной реформы в Беларуси. Уточняется понятие «громада» по отношению к крестьянской общине и его дальнейшая эволюция. Анализируются изменения в аграрной политике большевиков на рубеже второго и третьего десятилетий XX в., причины и предпосылки трансформации понятия и содержания новой экономической политики. Определяются особенности нэпа в БССР по мере укрупнения ее территории. Анализируется развитие аграрного законодательства на этапе становления белорусской государственности и основные направления его реализации. На основе компаративного изучения в статье исследуются аграрная политика в белорусской деревне, традиционно разделяемая рубежом 1917 г., а также трансформация традиционных институтов крестьянского самоуправления. Междисциплинарный подход позволил уточнить специфику экономического поведения и изменений в социальной психологии белорусского крестьянства. Утверждается, что базисным элементом для исторически сформировавшегося у белорусского крестьянства понимания справедливости являлся труд. Именно через отношение к труду определялось понятие собственности, прежде всего собственности на землю, которая для белоруса являлась самым большим достоянием. Сформулирована гипотеза о том, что изменения отношений собственности (национализация земли) положительно воспринимались крестьянством при условии возможности трудиться на земле и самостоятельно распоряжаться результатами своего труда. Учет традиции в аграрной политике в середине 1920-х гг. стал возможен в результате становления институтов государственной власти БССР. В качестве наиболее существенных и учитывавших традиции мер аграрной политики белорусского руководства рассматриваются установление максимальных и минимальных норм наделения землей и идея развития многофункциональных кооперативов на основе поселковой формы.

Ключевые слова: экономическое поведение, столыпинская аграрная реформа, сельское общество (громада), крестьянская община, новая экономическая политика, Д. Ф. Прищепов, земельный кодекс, нормы трудового землепользования, кооперация, модернизация.

Abstract. This article analyses the agrarian policy in Belarus during the first quarter of the 20th century. It studies the mechanisms and forms of tradition transitioning through the economic behaviour and social psychology of the peasantry. The particularities of applying the Stolypin agrarian reform in Belarus are examined. The concept of “gromada” with respect to the peasant *obschina* is clarified, as well as its evolution. The author considers the changes in the Bolshevik agrarian reforms at the turn of the second and third decade of the 20th century, the reasons and premises for the transformation of the concept and content of the New Economic Policy. The features of the New Economic Policy in BSSR are defined in the process of the enlargement of its territory. The development of agrarian legislature at the stage of the formation of the Belarus state is analysed, as well as the main directions of its realisation. On the basis of a comparative study, this article examines the agrarian policy in the Belarus village, traditionally delineated at 1917, as well as the transformation of the traditional institutes of peasant self-government. The interdisciplinary approach has allowed to clarify the specifics of the economic behaviour and of the changes in public psychology of the Belarus peasantry. The author affirms that the basic element for the historically formed concept of justice in Belarus peasantry was labour. It was precisely through this attitude to labour that the idea of property was defined, above all, land property, which for a Belarus was the greatest asset. The author formulates the hypothesis that the changes in the approach to property (the nationalisation of land) was perceived positively by the peasantry under the condition of being able to exploit land and independently manage the results of one’s labour. The taking into consideration of the historical traditions during the agrarian reforms in the middle of the 1920s was made possible as a result of the establishment of the institutes of BSSR state power. As an example of the more significant and considerate towards tradition measures of the agrarian policy of the Belarus authorities the author examines the

establishment of the maximal and minimal norms of land allotment and the idea of the development of multifunctional cooperatives based on the form of individual villages.

Key words: *economic behaviour, Stolypin agrarian reform, rural community (gromada), peasant obshchina, New Economic Policy, D. F. Prishchepov, land code, land labour regulation, cooperation, modernisation.*

Советскому периоду истории, истории Беларуси в том числе, посвящено огромное количество литературы. Чем же стимулируется интерес к данной проблематике в настоящее время? Все более очевидным становится осознание того факта, что пренебрежение советским этапом нашей общей истории не позволяет осознать истоки Великой Победы, а также современные угрозы и вызовы, связанные с распадом СССР. Однако при всей значимости событий 1917 г. заметно стремление отойти от противопоставления различных этапов нашей истории, увидеть глубинные основы преемственности развития. Возвращение к истории как науке о человеке позволяет учесть способы, которыми культура влияет на человеческое поведение вообще и экономическое поведение в частности, а также способствует пониманию исторически сформировавшихся представлений о справедливости.

Столыпинская реформа, реализовывавшаяся в период крестьянской революции, не достигла поставленной цели. Стремление крестьянства к восстановлению «общинного права» существенно усилилось в результате начавшейся мировой войны. Коллективная память о земле, некогда доступной всем, стала решающим фактором в неприятии гражданского права в западноевропейском его понимании, определяя настроения и поведение крестьянства в Великой российской революции 1917 г.

Известный белорусский историк В. Ф. Голубев доказывает, что общинные отношения в белорусской деревне не были разрушены аграрной реформой Сигизмунда Августа в XVI в. Согласно аргументации В. Ф. Голубева, крестьянское самоуправление оказывало существенное влияние на социальные отношения в белорусской деревне [1, 26–40]. Трансформация общины в сельское общество обосновывается в статьях молодой белорусской исследовательницы А. И. Маскевич [2]. По ее мнению, сельское общество (громада) – это форма общественной организации крестьян, единица самоуправления, а крестьянская община – форма крестьянского землевладения, которое существовало в обществе наряду с подворным [3, 13–18].

По сведениям П. Н. Зырянова, общинное землевладение в Гродненской, Ковенской и Мин-

ской губерниях полностью отсутствовало [4]. Известно, что юность П. А. Столыпина прошла в этой части Российской империи, здесь же он получил первый практический опыт и знания в качестве предводителя дворянства и губернатора. Столыпинская реформа в белорусских губерниях была более успешной, чем в целом по империи. За период реализации реформы (до начала военных действий в 1914 г.) в Могилевской губернии закрепили наделы в личную собственность 56,8%, в Витебской – 28,9% крестьян [5].

Белорусские социалистические партии, как и эсеры, отстаивали требование отмены частной собственности на землю. Такое требование было закреплено как во Второй Уставной грамоте БНР, так и в манифесте рабоче-крестьянского правительства Советской Беларуси. Однако понимание справедливости не было связано с уравниловкой. У белорусов, проживавших почти исключительно в сельской местности, в основу всего их восприятия жизни был положен принцип труда. «Крестьянская семья проникнута трудовым началом. Это представляется особенно ясным там, где труд прилагается к земле. Сама земля для белоруса имеет значение постольку, поскольку к ней прилагается труд пахаря. Оттого мы и встречаем такой взгляд в народном обычном праве, что право на землю признается за лицом, приложившим к ней свой труд», – отмечал известный белорусский историк М. В. Довнар-Запольский [6, 276]. Он привел многочисленные примеры того, что громада пустовавшую землю отдавала тому, кто ее обрабатывал. «Обычное право относится с глубоким уважением к долголетнему труду, полагаемому на нее (землю. – С. Х.), признает часто права на владение землею и посторонних лиц, долго трудившихся на ней и приобретших таким образом право на самую землю», – писал М. В. Довнар-Запольский. «Здесь принцип один – принцип труда», – констатирует он [6, 46–48].

Отстаивание трудового, а не уравнилельного принципа мы находим в аграрных программах белорусских социалистов. Крестьянская громада оставалась важнейшим регулятором социальных отношений – прежде всего в сфере земель общего пользования (лес, выгоны, сенокос). Она воспринималась как некое коллектив-

ное, объединяющее начало, в котором соединились национальные и социальные требования белорусов. «А кто там идет, а кто там идет в огромной такой громаде? Идут белорусы», – писал белорусский поэт Я. Купала. «Земля – самый ценный предмет для белоруса», – подчеркивал М. В. Довнар-Запольский [7, 43–44]. Широко известны слова Я. Коласа из поэмы «Новая земля»: «Купить землю, иметь свой кут, чтоб с панских выпутаться пуг, и здесь зажить себе бы снова: своя земля – вот что основа!» Земля связывалась в сознании белоруса с родом, с вечностью, труд на земле крестьянин считал самым значимым.

Первоначально большевики шли на значительные уступки крестьянству, стремясь привлечь его на свою сторону. Позже В. И. Ленин утверждал, что таким образом «создали земельный строй, наиболее благоприятный в смысле перехода к социализму» [8, 235–338]. До лета 1918 г. – а в ряде случаев и позже – значительное влияние на политику в отношении деревни имели левые эсеры. После В. П. Милютина в начале декабря 1917 г. народным комиссаром земледелия РСФСР был назначен левый эсер А. Л. Колегаев. На местах влияние партии эсеров было еще более значительным. И. А. Кириллов свидетельствовал, что в этот период община нередко проводила через земельные отделы решения о том, что «все хутора и отруба» как на надельной, так и на купленной земле переходят в общины. При этом зажиточные хуторяне должны были перенести свои строения за собственный счет. «Крестьянство захватило всю землю, и уравнительно ее захватило, – писал И. А. Кириллов, – мечта многих поколений осуществлялась, но результаты этой всероссийской дележки оказались значительно меньшими, чем ждали многие» [9].

Попытка большевиков сохранить помещичьи хозяйства как крупнотоварное производство в 1919–1920 гг., по сути, завершилась провалом. Во-первых, создаваемые колхозы и совхозы имели преимущественно потребительский характер. Во-вторых, крестьяне продолжили борьбу за землю и результаты своего труда. Уже в декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов, обобщая трехлетний опыт отношений с крестьянством, В. И. Ленин подчеркивал: «Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время другим не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизму не приходится» [10, 181]. Весной 1921 г. «первым практическим шагом» новой – по сравнению с «военным коммунизмом» – экономической политики стала

замена продразверстки продовольственным налогом. Впоследствии, на IX Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин по-прежнему утверждал: «Продналог в общем и целом дал крестьянам во всей массе улучшение. Это не требует доказательств...» [11, 17]. Значимость этого мероприятия не была оценена крестьянством Беларуси в условиях, когда продналог оказался больше продразверстки [12]. Крестьяне уже не верили обещаниям [13, л. 141]. И для этого были основания. К примеру, Первый Гомельский губернский съезд Советов принял резолюцию, в соответствии с которой достижение непосредственного перехода к коллективизации сельского хозяйства связывалось с широкой пропагандой преимуществ крупного производства [14, 69].

1921 год был чрезвычайно тяжелым для советской власти и населения. Катастрофически не хватало хлеба, под угрозой срыва были его закупки за границей, уменьшались надежды на получение продовольственной ссуды в Западной Европе и Америке [15, л. 2–33]. Увеличился объем писем от крестьян об уменьшении продовольственного налога. «При разверстке хлеба все отдал, – писал один крестьянин, – остальное не в силах. Сам и брат со времени революции находились в Красной армии на работах. На содержание хлеба на такую семью не могу» [16, л. 125–216]. Беларусь из театра военных действий превратилась в территорию бандитизма. По сообщению Мозырского уездного комитета РКП(б) в Комаровичской волости в результате погромов Б. Булаховича было вырезано поголовно все еврейское население [17, 37]. ВЧК в начале апреля 1921 г. информировала: «Бандитское движение с каждым днем усиливается». В ряде районов на юге БССР проявились антисемитские настроения, они были характерны не только для вооруженных антисоветских формирований, но и для частей Красной армии. Крестьяне, стремившиеся скрыть своих, свидетельствовали, что значительная часть «бандитов» разговаривает на польском языке [18, 398]. Еврейское население настолько обеспокоилось, что готово было эмигрировать в любую часть России [18, 403]. Противостояние и недоверие способствовали тому, что крестьяне сами брались за оружие и выдвигали политические лозунги [19].

Этот период в земельной политике определяли как переход от нейтрализации середняка к прочному союзу с ним. «Новостью являлось то, – отмечал один из руководителей Компартии

Беларуси, – что мы приступаем к строительству социализма вместе с крестьянством». Первоначально основным содержанием этой новой по отношению к «военному коммунизму» политики виделся товарообмен. С этой целью 17 мая 1921 г. СНК утвердил генеральный договор между Наркомпродом и Центросоюзом на заготовку для государства сельскохозяйственных продуктов и сырья путем товарообмена [20].

В советской литературе исключительное значение придавалось решениям X съезда партии. На наш взгляд, такая оценка этого события закрепились гораздо позже него самого. Отчет о деятельности Наркомзема РСФСР за 1917–1922 гг. и доклад об основных результатах аграрной политики, сохранившиеся в Российском государственном архиве экономики, о X съезде не упоминают вообще. По мнению авторов документов, самостоятельным рубежом является время от VIII до IX съездов Советов (декабрь 1920 – декабрь 1921), в течение которого предпринимались меры по стимулированию расширения крестьянской запашки. А вот в отношении IX Всероссийского съезда Советов в декабре 1921 г. в данных документах утверждается, что это начало политики, направленной на «поднятие самостоятельности крестьянского населения на почве хозрасчета и личной их заинтересованности в производстве сельскохозяйственной продукции» [21]. Именно на этом съезде руководитель большевистской партии В. И. Ленин отметил, что союз крестьянства и рабочего класса должен быть построен на «других началах». «Основой, сущностью экономической связи, – подчеркнул он, – должна стать торговля». А ведь еще совсем недавно лозунг свободы торговли звучал также контрреволюционно, как «советы без большевиков». «Для коммунистов, – продолжал глава большевиков, – это неприятное открытие. Очень может оказаться, что это открытие – чрезвычайно неприятное...» [22, 309]. В. И. Ленин утверждал, что необходимо учиться, необходим новый культурный уровень, это требует «новой культуры», и несколько раз повторил: «...научиться работать другими темпами, считая работу десятилетиями, а не месяцами, и здесь работа целых десятилетий» [11, 23–24; 22, 322–323].

В свете ожидавшихся кардинальных изменений представляется совершенно очевидным, почему первой и главной резолюцией X съезда ВКП(б), готовившейся к IX Всероссийскому съезду Советов, для большевиков стала резолю-

ция «О единстве партии». Сама атмосфера подготовки к IX Всероссийскому съезду Советов подталкивала к отходу от догматических положений, поиску новых форм. Выступавшие с критикой позиции Наркомата земледелия (НКЗ) БССР на X конференции (V съезде) КП(б)Б (15–30 октября 1921 г.) подчеркивали: «Законы диктуют нам жизнь, а не коммунистическое исповедание, которое мы все знаем». Они считали, что «новая экономическая политика всерьез и надолго» [23, л. 216]. Впрочем, нарком земледелия БССР А. И. Славинский отстоял другую позицию: «крестьянство не представляет никакого класса», «кем крестьянин стал – он стал революционером? Нет, он стал хищником, кулаком, и он стремится еще больше обогатиться» [23, л. 173, 219–220]. На партийной конференции в 1922 г. А. И. Славинский заявил: «Вы называете это новой экономической политикой? Это анархия, и анархию необходимо остановить». Он призвал опираться на коммуны и сельскохозяйственные артели [24, л. 192, 219, 220]. Такая позиция А. И. Славинского в конечном счете привела его к расхождению с главой ЦИК и СНК БССР А. Г. Червяковым и отставке в начале 1924 г.

Следует подчеркнуть, что вплоть до конца 1922 г. в БССР действовало чрезвычайное положение. Большевики среди крестьянства не имели поддержки, на местах существенное влияние сохраняли белорусские эсеры. На XI конференции (VII съезде) КП(б)Б, которая состоялась в Минске в марте 1922 г., характеризуя кадровый состав по Слуцкому уезду, один из выступающих отметил: «Во всем земотделе там есть два коммуниста, а руководит тем отделом левый эсер, кто его знает, левый он или правый, но во всяком случае эсер, и его любят крестьяне» [24, л. 66].

С 1924 г. в Советской Беларуси начинается реализация новой экономической политики – именно как политики, направленной на развитие хозяйственной инициативы крестьянства. Выступая еще в качестве заместителя наркома земледелия БССР на съезде уполномоченных сельскохозяйственных коллективов в октябре 1924 г., Д. Ф. Прищепов подчеркивал: «Вы видели развитие нэпа в городе, и что же, неужели из-за этого страдала наша политика, страдали рабочие? Понятно, нет, – подчеркивал он. – И сейчас нам нужно дать возможность развиваться нэпу в деревне» [25, л. 152].

Период 1924–1928 гг. является наиболее существенным для становления государственности Беларуси. Развиваются институты госу-

дарственной власти (ЦИК, СНК БССР). Становление местных органов управления во многом опирается на традиции крестьянской громады. Совершенствуется национальная политика («белорусизация», «коренизация»). В обсуждаемом на заседании Центрального Бюро КП(б)Б от 7 января 1924 г. проекте Конституции БССР республика обозначается как суверенное государство (гл. V, ст. 23), имеющее право добровольного вхождения и свободного выхода из СССР [26, л. 4–9]. Несмотря на то, что второй проект Конституции БССР в 1925 г. не был поддержан в Москве, принятая VIII Всебелорусским съездом Советов Конституция БССР 1927 г. закрепила в статусе государственных 4 языка (а белорусский – как язык межнационального общения), разделение ветвей власти, право выхода из СССР и т. д.

Особенно заметными являлись отличия проводимой в республике политики в области земельных отношений и земельного законодательства от позиции по этим вопросам Москвы. Основные положения зиждились на общих традициях отказа от частной собственности на землю. Вместе с тем новый нарком земледелия БССР Д. Ф. Прищепов резко выступил против общины. В целом ряде своих статей он утверждал, что в восточных округах Беларуси общины не существовало. В газете «Звезда» в 1926 г. он писал: «На территории Гомельщины не существовал общинный порядок землепользования, и потому современная земельная политика, насквозь общинная, требует изменений и проведения ее на принципах, установленных в Беларуси» [27]. Д. Ф. Прищепов отлично понимал, что многодетные семьи – преимущественно бедняцкие – будут недовольны, в том числе по причине отрицания принципа распределения земли по едокам, так как если для Минского, Бобруйского, а также Витебского округов были характерны мелкие населенные пункты, то в Могилевском и особенно Гомельском округах – согласно переписи 1926 г. – преобладали крупные поселки. Нарком земледелия был недоволен данным фактом и считал сложившуюся ситуацию проявлением влияния общинной формы. Д. Ф. Прищепов обращал внимание на необходимость превентивной разъяснительной работы среди крестьянства. «Если теперь провести раздел земли по едокам, который фактически является “черным переделом”, то я уверен в том, что через несколько лет, как только изменится число едоков, снова крестьяне начнут искать неправомерности и снова будут делить землю по едокам. Таким образом, мы такой политикой ставим

деревню на путь перманентного “черного передела”, при котором реорганизации сельского хозяйства нельзя будет провести. Крестьяне будут уметь делить землю, а не хозяйствовать», – писал Д. Ф. Прищепов [27].

В РСФСР крестьянство встретило с явным недовольством ограничение пределов земель Земельным кодексом 1922 г. Идя навстречу его требованиям, в конце 1927 г. правительство РСФСР разрешило произвести общий уравнительный передел земли в тех земельных обществах, где такие переделы не проводились с 1922 г. и в которых сохранилась значительная неравномерность в землепользовании дворов. «В этих случаях, – пишет Л. В. Алиева, – общий передел земель мог производиться даже по требованию меньшинства членов общества» [28, 150].

Еще до первого укрупнения в БССР был разработан Земельный кодекс 1923 г., который существенно отличался от Земельного кодекса РСФСР 1922 г. – в первую очередь в сфере общинных отношений. В 1925 г. был утвержден новый Земельный кодекс, который распространял свое влияние на всю территорию Советской Беларуси. Главное его отличие от предыдущего кодекса заключалось в неприятии общинной формы землепользования, не допускались и уравнительные переделы. В условиях низкого качества почв было очень важно поддержать заинтересованность крестьянства в их улучшении. Стремясь ограничить уравнительные тенденции, преобладавшие в некоторых восточных округах БССР, было определено, что установление нормы наделения землей остается за Наркоматом земледелия.

Земля закреплялась в постоянное пользование за поселками и другими хозяйственными объединениями или за отдельными землепользователями. В сравнении с Земельным кодексом РСФСР белорусский кодекс позволял аренду только с использованием рабочей силы хозяйства, увеличивал срок аренды при применении многопольных севооборотов и улучшенных способов обработки почвы. Этот документ в условиях отказа руководства СССР рассмотреть предлагаемый вариант Конституции БССР 1925 г. (в значительной части реализованный в 1928 г.) стал знаковым для республики. Как и не поддержанный на союзном уровне республиканский Основной закон, Земельный кодекс был составлен со знанием и пониманием сложившихся традиций развития Беларуси. Возвращение в состав БССР части территорий Витебской, Гомельской и Смоленской губерний привело к распространению здесь белорусского

законодательства. Различные подходы к формам землеустройства выявились уже в 1921–1924 гг. В Могилевской губернии землеустройство проводилось по едокам в форме поселков, а в Витебской – по фактическому землепользованию в виде хуторов [29, 24–29]. Земельный кодекс 1925 г., отрицая общину как форму экономического взаимодействия, сохранил земельное общество как преемника громады для решения возникавших споров и вопросов. Инструментом такого решения оставался сельский сход.

Следствием негативного отношения к общине стал отказ от практики принудительного выдела по требованию меньшинства (1/5 земельного общества). Однако в установленном порядке земледельческое общество могло принять решение о землеустройстве. Следует подчеркнуть, вопреки распространенному в белорусской исторической литературе мнению, что руководство НКЗ БССР в 1925–1928 гг. поддерживало поселки, а не хутора как основную форму землепользования при сохранении свободы выбора за крестьянами [30, л. 109–111]. Обрезка земли проводилась земельными органами Беларуси с таким расчетом, чтобы затронуть не более 10% хозяйств и сохранить т. н. показательные («культурные») хозяйства. К ним относили тех хозяев, которые совершенствовали агротехнику, занимались семеноводством и племенным скотоводством, способствовали распространению сельскохозяйственных знаний и навыков.

Существенным отличием явилось также установление максимальных и минимальных норм трудового землепользования [30, л. 212–214об.]. Очевидно, что данные нормы опирались на убеждение белорусского крестьянина в том, что в основе всего должен лежать труд. Поэтому при расчете максимальной нормы предполагалось «оставить двору землю в таком количестве, чтобы он мог обработать трудом членов своей семьи при условии, что хозяйство будет вестись не менее интенсивно, чем позволяют естественные и экономические условия района». В основу исчисления максимальных норм были положены данные счетоводно-агронômических обследований, полученных отделом сельского хозяйства и экономики НКЗ БССР. Для расчета были определены два месяца – август и сентябрь, – когда хозяйство должно затрачивать самое большое количество труда. В качестве основы расчетов определили среднюю – по бюджетным обследованиям – крестьянскую семью (из 6 человек) в переводе на трудовые

коэффициенты: мужчины и женщины свыше 16 лет – 1 трудовая единица; подростки 12–16 лет – 0,5 единицы; дети до 12 лет – 0,25 единицы. Таким образом, в среднем семья из 6 душ соответствовала 4 трудовым единицам. При расчетах учитывалось, что 1 трудовая единица занята в домашнем хозяйстве (приготовление пищи и т. д.), были также исчислены трудовые нормы по пашне и сенокосу. Хозяйства, содержавшие излишки земли, подлежали обрезанию в целях обеспечения безземельных и малоземельных крестьян минимальной нормой наделения земель [31]. Тщательные расчеты, впрочем, не избавили руководителей НКЗ от обвинений в искривлении «классовой линии». Малоземельные многодетные семьи, очевидно, рассчитывали на возможность увеличения землепользования при распределении по едокам. Малограмотность рождала непонимание, которое впоследствии позволило использовать недовольство крестьян для репрессий против руководства НКЗ БССР.

Наибольший размах новая экономическая политика в Беларуси приняла к весне 1925 г. К этому времени реализуется система мероприятий нэпа, включавшая аренду земли и наем рабочей силы, стабилизацию финансовой системы, замену натурального налога денежным и т. д. В какой-то период руководство Компартии Беларуси, следуя установкам Н. И. Бухарина, оказалось даже «правее» местных советских руководителей. В мае 1925 г. первый секретарь ЦК КП(б)Б А. И. Криницкий утверждал, что в деревне слишком много пережитков «военного коммунизма» и первейшей задачей «является сейчас рост накопления в деревне, обогащения мелкого хозяина» [31, л. 2]. В этой ситуации Д. Ф. Прищепов вынужден был отстаивать необходимость расширения кооперации, которую, как он утверждал, не переоценили, а недооценили. «Кооперация не исключает повышения товарности, – говорил он. – Наоборот, эти вещи взаимоувязаны» [31, л. 45]. Именно в этот период некоторые партийные руководители отмечают противоречия, определенную двойственность действий: партия как государственная должна была поддерживать крепкого хозяина, а как коммунистическая – делать ставку на бедняка. Такая позиция получила жесткую отповедь второго секретаря ЦК КП(б)Б Н. М. Голодеда: «У нас нет двойственной политики, у нас есть политика, одобренная всей партией» [32, л. 79].

В марте 1926 г. были внесены изменения в налогообложение сельскохозяйственного насе-

ления. Налог должен был взиматься не с натуральных элементов хозяйства, а с дохода (в рублях), обложению подлежали доходы не только от основных, но и от второстепенных занятий (по полеводству, луговодству и крупному рогатому скоту): с основных – по средним для данной местности нормам дохода, а с второстепенных – по минимальным средним нормам. При этом старались не облагать случайные доходы, не тормозить, а поощрять агротехнические новшества и развитие дополнительных заработков крестьянства. Обложение полеводства по количеству пашни, а не посева должно было по замыслу инициаторов подтолкнуть к интенсификации. Вместе с тем такая политика, проводимая в условиях нарастания классово-риторической и реального ограничения возможностей зажиточного крестьянина, в том числе в кооперации, не могла способствовать успешному развитию сельского хозяйства.

В середине 1920-х гг. белорусская деревня успешно восстанавливалась. Однако роста товарной продукции не наблюдалось. Возрастало потребление хлеба самими крестьянами, а также увеличивались расходы на корм скота [33, л. 81, 105]. Усилилась практика дробления крестьянских хозяйств, в результате чего не только снижался доход государства от налогообложения, но и образовывались новые маломощные хозяйства. Наблюдался довольно быстрый рост простейших форм кооперации, особенно потребительской (до 40%). Значительно возросло количество объединений также в сферах молочной кооперации, мелиоративных и кредитных сельскохозяйственных товариществ. По мнению руководителей кооперативных структур, это соответствовало особенностям сельского хозяйства Беларуси. «В нашей партии “ходячим мнением” является мнение о том, что трактор является основным коллективным в деревне фактором, – отмечалось на кооперативных совещаниях. – В Белоруссии при большом малоземелье и заболоченности почв трактор не может занять решающее значение» [34, л. 19об.]. Основной акцент планировалось сделать на переработку сельскохозяйственной продукции.

Действительно, еще в конце XIX – начале XX вв. помещичьи хозяйства постепенно становились центрами переработки сельскохозяйственной продукции. В белорусской деревне происходил рост небольших промышленных предприятий, позволявших поглотить излишки рабочей силы. Восстановление таких предприятий при колхозах и совхозах позволяло наде-

яться в том числе на возможность привлечения к труду населения местечек, которое деклассировалось и блуждало по деревням в поиске случайных заработков или жило за счет пожертвований из-за рубежа [35, л. 28, 29].

В целом к середине 1920-х гг. у партийных и советских руководителей сложилось понимание, что Беларусь должна определить пути кооперации «сообразно своим природным, экономическим условиям». Кооперирование БССР на протяжении ближайшего периода планировалось направить по пути объединения крестьянских хозяйств по линиям производства (молотилок, триера, сортировки – через машинные товарищества), переработки (через льноводческие, маслодельные, картофелеперерабатывающие и овощесушильные товарищества), а также сбыта и снабжения. Важным направлением также считалось развитие мелиоративных товариществ. [33, л. 81].

Вместе с тем значительного развития производственной кооперации на частной основе не наблюдалось. Кооперация в большей степени сводилась к продаже (перепродаже) сельскому населению промышленной продукции, нежели к содействию сбыту продукции сельскохозяйственного производства. Реализация классового подхода не позволяла привлекать и активнее использовать в кооперации собственные средства населения. Развитие в деревне различных видов кооперации приводило к переплетению различных ее форм с растущим бюрократическим аппаратом. В связи с этим важной представлялась инициатива Д. Ф. Прищепова о создании на основе поселков многофункциональных кооперативов, которые поставляли бы продукцию на основе контрактации [36, л. 742].

Аренда земли в БССР значительного распространения не получила. А вот наем рабочей силы возрастал. Основными потребителями (как правило, в летне-осенний период) выступали кулацкие и середняцкие хозяйства. С целью защиты наемных работников были изданы «временные правила», позволявшие постепенно изживать скрытые формы найма, прежде всего труд подростков.

Сельская громада не только сохранилась, но и активно действовала в Советской Беларуси. Она была конституирована советской властью и первоначально активно ею поддерживалась. Реализация новой экономической политики в белорусской деревне на протяжении 1922–1928 гг. опиралась на механизмы крестьянского самоуправления. И в этот период громада в Беларуси отличалась по своим функциям (отсутствие

переделов земли и пр.) от традиционной общины, отстаивала трудовой, а не уравнилельный принцип распределения земли. Привычка крестьянства решать все на своих сходах приводила к тому, что крестьяне пытались ставить на голосование даже вопросы конституционного устройства [37, л. 9]. Партийное руководство также настораживал тот факт, что сельсовет рассматривался жителями не как орган местной власти, поставленный над крестьянами, а как «слуга, который их обслуживает и обязан обслуживать, ибо он от них зависит, т. к. на службу могут и не избрать» [38, л. 16, 21]. Поэтому республиканские власти взяли курс на расширение полномочий Советов и постепенное сужение возможностей сельского схода в решении вопросов деревенской жизни.

Уже весной 1926 г. в партийном руководстве Беларуси созрело понимание целесообразности более активной политики модернизации. На пленуме ЦК КП(б)Б 27–29 апреля 1926 г. отмечалось, что 75% товаров промышленности потребляет город, происходит натурализация хозяйства. Развитие деревни упиралось в развитие промышленности, в недостаток сельскохозяйственных машин. Отсюда возникал важнейший вопрос: «Сможем ли мы обеспечить это за счет частных крестьянских хозяйств?»

Было решено следовать минимальными темпами, без акцента на то, что это может быть сделано за счет крестьянства, прежде всего с помощью косвенных налогов, через цены на промышленные товары и т. д. Выступавшие отмечали: «Очевидно, что индустриализация, в конечном счете, в интересах крестьянства, если крестьянство этого и не понимает, все равно нужно взять деньги у крестьянства даже помимо его воли» [33, л. 25, 36, 37].

Наметившаяся в 1926–1927 гг. тенденция к слову нэпа как рыночной системы основывалась не только на классовых принципах. Важнейшей задачей становилась ускоренная модернизация страны в условиях нарастания глобальных противоречий между европейскими странами. Усилившиеся процессы централизации и унификации не позволили использовать уникальный опыт развития отдельных советских республик, в том числе традиции, которые веками формировались в белорусской деревне. Это способствовало отчуждению населения от власти, росту уравнилельных и потребительских настроений. Вместе с тем в послевоенный период именно в составе СССР белорусы смогли сделать громадный технологический рывок, одним из важнейших составляющих которого явилось отношение к труду.

Библиография:

1. Голубеў В. Сельская грамада ў польскай гістарыяграфіі // *Białoruskie Zeszyty Historyczne / Беларускі гістарычны зборнік / Mironowicz Eugeniusz. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2008. № 30. С. 26–40.*
2. Маскевіч Г. І. Да пытання аб вызначэнні тэрмінаў «сельская грамада» і «абшчына» ў Беларусі ў другой палове XIX ст. // *Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Т. А. Новгородского. Минск: БГУ, 2011. С. 197–200.*
3. Маскевіч Г. І. Сацыяльная арганізацыя сельскай грамады Беларусі ў 60–90 я гг. XIX ст. // *Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Эканоміка. Права. 2007. № 3. С. 13–18.*
4. Зырянов П. Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.
5. Липинский Л. П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск: Издательство Белорусского государственного университета, 1978. 223 с.
6. Довнар-Запольский М. В. Исследования и статьи. Т. 1 : Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. Киев: Типография 1-й Киевской артели печатного дела, 1909. 488 с.
7. Довнар-Запольский М. Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии // *Этнографическое обозрение. 1897. № 2. С. 43–44.*
8. Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // *Полн. собр. соч. 5 е изд. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 37. С. 235–338.*
9. Кириллов И. А. Очерки землеустройства за три года революции (1917–1920 гг.). Пг.: Редакционно-издательская комиссия Народного комиссариата земледелия, 1922. 261 с.
10. Ленин В. И. Речь при обсуждении законопроекта СНК «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 24 декабря // *Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 42. С. 178–184.*
11. IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. № 1. М.: Издательство политической литературы, 1921. 26 с.
12. Бяспалая М. А. Беларуская вёска ў першыя гады нэпа (1921–1923 гг.). Мінск: БУК, 1999. 253 с.
13. Протоколы заседаний Мозырского укома и угоркома КП(б)Б, коллегии женотдела Мозырского укома, общих собраний коммунистов Мозырской организации КП(б)Б, Мозырской уездно-городской конференции членов КСМБ, отчеты о работе Мозырского укома КП(б)Б за январь 1921 г. – февраль 1922 г., ячеек КП(б)Б Мозырского у. за сентябрь 1921 г., доклады о работе комиссии по регистрации жертв набега банд Булак-Балаховича в Мозырском у., борьбе с бандитизмом и дезертирством в Комаровичской вол. Мозырского у., политическом положении в уезде. 2 января 1921 г. – 28 февраля 1922 г. // *Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 503.*

14. Кооперативно-колхозное строительство в Белорусской ССР (1917–1927). Минск: Наука і тэхніка, 1980. 309 с.
15. Протоколы № 1–10 заседаний Комиссии ЦК РКП по вопросам закупки хлеба за границей и резолюция (автограф) В. И. Ленина на телефонограмме заместителя Наркомпрода о принятии срочных мер для увеличения поставок из за границы. 23 августа 1921 г. – 28 января 1922 г. // Российский государственный архив экономики. Ф. 130. Оп. 5. Д. 643.
16. Телеграммы об уменьшении норм продовольственного налога и продовольственном положении. 4 января 1921 г. – 17 декабря 1921 г. // Российский государственный архив экономики. Ф. 130. Оп. 5. Д. 779.
17. Протоколы заседаний президиума Минского горрайкома КП(б)Б, общих собраний коммунистов Городского и Центрального р-нов г. Минска, совещаний секретарей ячеек КП(б)Б учреждений, организаций и предприятий Минского городского р-на, отчеты о работе Минского горрайкома КП(б)Б за октябрь 1921 г. – январь 1922 г. и ячеек КП(б)Б по районам г. Минска за июнь–сентябрь 1921 г., списки ячеек КП(б)Б Городского, Свислочского и Центрального р-нов г. Минска. 4 января 1921 г. – 23 марта 1922 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 505.
18. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1918–1922. 864 с.
19. Стужынская Н. І. Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву: 1920 я гады. Мінск: Выдавец А. М. Вараксін, 2012. 362 с.
20. Генеральный договор на заготовку для государства с/х продуктов и сырья путем товарообмена, заключенный между Наркомпродом и Центросоюзом, утвержденный Советом народных комиссаров 17.05.1921 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 476.
21. Отчет о деятельности Наркомзема за 1917–1922 гг. и доклад «Основные сравнительные данные, характеризующие результаты земельной политики за годы революции» (без автора). 1922 // Российский государственный архив экономики. Ф. 478. Оп. 1. Д. 851.
22. Ленин В. И. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 г. «О внутренней и внешней политике республики» на IX Всероссийском съезде Советов // Полн. собр. соч. 5 е изд. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 44. С. 291–329.
23. Стенограмма V съезда КП(б)Б (X конференции КП(б)Б) от 15–20 октября 1921 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 417.
24. Стенограмма XI конференции (VI съезда) КП(б)Б Белоруссии. (1 й экземпляр неполный). 15 марта 1922 г. – 19 марта 1922 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 688.
25. Протоколы заседаний I, II, III Всебелорусских съездов уполномоченных сельскохозяйственных товариществ и промышленной кооперации, сельскохозяйственных кооперативных совещаний при Цетробелсоюзе, материалы к протоколам // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 334. Оп. 1. Д. 51.
26. Протоколы заседаний пленума ЦБ КП(б)Б, проект Конституции БССР. 5 января – 8 августа 1924 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1260.
27. Прищепов Д. Земельная политика на присоединенных территориях // Звезда. 1927. 28 июля. С. 2; 29 июля. С. 3.
28. Алиева Л. В. Реализация Земельного кодекса РСФСР 1922 г. в контексте эволюции крестьянской поземельной общины (на материалах Псковской губернии) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 24. Псков: ПГПУ, 2006. С. 148–152.
29. Ревинский П. Новый закон о земле в БССР // Вперед. 1924. № 3. С. 24–29.
30. Документы о состоянии сельского хозяйства и очередных задачах аграрной политики в БССР (доклады, тезисы докладов, сведения, выводы и др.). 18 февраля – 31 июля 1925 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2295.
31. Стенограмма заседания пленума ЦК КП(б)Б от 2–8 мая 1925 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1992.
32. Протокол заседания пленума ЦК КП(б)Б от 6–8 января 1926 г., документы к нему // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2518.
33. Протокол заседания пленума ЦК КП(б)Б от 27–29 апреля 1926 г., документы к нему // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2522.
34. Стенограмма X съезда КП(б)Б от 3–10 января 1927 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3083.
35. Протокол заседания пленума ЦК КП(б)Б от 22–27 июля 1926 г., документы к нему // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2524.
36. Стенограмма XI съезда КП(б)Б от 22–29 ноября 1927 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3090.
37. Документы об итогах обследования работы предприятий БССР (протоколы, доклады, выводы и др.), 23 сентября – 23 декабря 1925 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2292.
38. Информация об итогах обследования работы сельских Советов Минского окр. 28 ноября 1926 г. – 22 марта 1927 г. // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 2809.

References (transliterated):

1. Golubeŭ V. Sel'skaya gramada ŭ pol'skai gistoryyagrafii // Białoruskie Zeszyty Historyczne / Belaruski gistorychny zbornik / Mironowicz Eugeniusz. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2008. № 30. S. 26–40.
2. Maskevich G. I. Da pytan'na ab vyznachenni terminaŭ «sel'skaya gramada» i «abshchyna» ŭ Belarusi ŭ drugoi palove KhKh st. // Etnokul'turnoe razvitie Belarusi v XIX – nachale KhXX v.: materialy mezhdunarodnoi nauchno prakticheskoi konferentsii / Pod red. T. A. Novogrodskogo. Minsk: BGU, 2011. S. 197–200.
3. Maskevich G. I. Satsyyal'naya arganizatsyya sel'skai gramady Belarusi ŭ 60–90 ya gg. KhKh st. // Vesn. Belarus. dzyarzh. un-ta. Ser. 3. Gistoryya. Filasofyya. Psikhaliogyia. Palitalogyia. Ekanomika. Prava. 2007. № 3. S. 13–18.
4. Zyryanov P. N. Krest'yanskaya obshchina Evropeiskoi Rossii v 1907–1914 gg. M.: Nauka, 1992. 256 s.
5. Lipinskii L. P. Stolypinskaya agrarnaya reforma v Belorussii. Minsk: Izdatel'stvo Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, 1978. 223 s.
6. Dovnar-Zapol'skii M. V. Issledovaniya i stat'i. T. 1 : Etnografiya i sotsiologiya, obychnoe pravo, statistika, belorusskaya pis'mennost'. Kiev: Tipografiya 1-i Kievskoi arteli pechatnogo dela, 1909. 488 s.

7. Dovnar-Zapol'skii M. Ocherki obychnago semeistvennago prava krest'yan Minskoj gubernii // Etnograficheskoe obozrenie. 1897. № 2. S. 43–44.
8. Lenin V. I. Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskii // Poln. sobr. soch. 5 e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1969. T. 37. S. 235–338.
9. Kirillov I. A. Ocherki zemleustroistva za tri goda revolyutsii (1917–1920 gg.). Pg.: Redaktsionno-izdatel'skaya komissiya Narodnogo komissariata zemledeliya, 1922. 261 s.
10. Lenin V. I. Rech' pri obsuzhdenii zakonoproekta SNK «O merakh ukrepleniya i razvitiya krest'yanskogo sel'skogo khozyaistva» na fraktsii RKP(b) VIII s"ezda Sovetov 24 dekabrya // Poln. sobr. soch. 5-e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. T. 42. S. 178–184.
11. IKh Vserossiiskii s"ezd Sovetov. Stenograficheskii otchet. № 1. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1921. 26 s.
12. Byaspalaya M. A. Belaruskaya veska ŷ pershyya gady nepa (1921–1923 gg.). Minsk: BUK, 1999. 253 s.
13. Protokoly zasedanii Mozyrskogo ukoma i ugorkoma KP(b)B, kollegii zhenotdela Mozyrskogo ukoma, obshchikh sobranii kommunistov Mozyrskoi organizatsii KP(b)B, Mozyrskoi uezdno-gorodskoi konferentsii chlenov KSMB, otchety o rabote Mozyrskogo ukoma KP(b)B za yanvar' 1921 g. – fevral' 1922 g., yacheek KP(b)B Mozyrskogo u. za sentyabr' 1921 g., doklady o rabote komissii po registratsii zhertv nabega band Bulak-Balakhovicha v Mozyrskom u., bor'be s banditizmom i dezertirstvom v Komarovichskoi vol. Mozyrskogo u., politicheskom polozhenii v uезде. 2 yanvarya 1921 g. – 28 fevralya 1922 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 503.
14. Kooperativno-kolkhoznoe stroitel'stvo v Belorusskoi SSR (1917–1927). Minsk: Navuka i tekhnika, 1980. 309 s.
15. Protokoly № 1–10 zasedanii Komissii TsK RKP po voprosam zakupki khleba za granitsei i rezolyutsiya (avtograf) V. I. Lenina na telefonogramme zamestitelya Narkomproda o prinyatii srochnykh mer dlya uvelicheniya postavok iz za granitsy. 23 avgusta 1921 g. – 28 yanvarya 1922 g. // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki. F. 130. Op. 5. D. 643.
16. Telegrammy ob umen'shenii norm prodovol'stvennogo naloga i prodovol'stvennom polozhenii. 4 yanvarya 1921 g. – 17 dekabrya 1921 g. // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki. F. 130. Op. 5. D. 779.
17. Protokoly zasedaniya Minskogo gorraikoma KP(b)B, obshchikh sobranii kommunistov Gorodskogo i Tsentral'nogo r-nov g. Minska, soveshchaniy sekretarei yacheek KP(b)B uchrezhdenii, organizatsii i predpriyatii Minskogo gorodskogo r-na, otchety o rabote Minskogo gorraikoma KP(b)B za oktyabr' 1921 g. – yanvar' 1922 g. i yacheek KP(b)B po raionam g. Minska za iyun'–sentyabr' 1921 g., spiski yacheek KP(b)B Gorodskogo, Svislochskogo i Tsentral'nogo r-nov g. Minska. 4 yanvarya 1921 g. – 23 marta 1922 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 505.
18. Sovetskaya derevnyaya glazami VChK – OGPU – NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: v 4 t. / Pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. M.: ROSSPEN, 2000. T. 1. 1918–1922. 864 s.
19. Stuzhynskaya N. I. Belarus' myatsezhnaya: z gistoryi ŷbroenaga antysavetskaga supratsivu: 1920 ya gady. Minsk: Vydavets A. M. Varaksin, 2012. 362 s.
20. General'nyi dogovor na zagotovku dlya gosudarstva s/kh produktov i syr'ya putem tovaroobmena, zaklyuchennyi mezhdu Narkomprodом i Tsentrosoyuzom, utverzhdennyi Sovetom narodnykh komissarov 17.05.1921 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 476.
21. Otchet o deyatel'nosti Narkomzema za 1917–1922 gg. i doklad «Osnovnye sravnitel'nye dannye, kharakterizuyushchie rezul'taty zemel'noi politiki za gody revolyutsii» (bez avtora). 1922 // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki. F. 478. Op. 1. D. 851.
22. Lenin V. I. Otchet VTsIK i SNK 23 dekabrya 1921 g. «O vnutrennei i vneshnei politike respubliky» na IX Vserossiiskom s"ezde Sovetov // Poln. sobr. soch. 5 e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. T. 44. S. 291–329.
23. Stenogramma V s"ezda KP(b)B (Kh konferentsii KP(b)B) ot 15–20 oktyabrya 1921 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 417.
24. Stenogramma XI konferentsii (VI s"ezda) KP(b)B Belorussii. (1 i ekzemplar nepolnyi). 15 marta 1922 g. – 19 marta 1922 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 688.
25. Protokoly zasedanii I, II, III vsebelorusskikh s"ezdov upolnomochennykh sel'skokhozyaistvennykh tovarishchestvi i promyshlennoi kooperatsii, sel'skokhozyaistvennykh kooperativnykh soveshchaniy pri Tsetrobelsoyuze, materialy k protokolam // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 334. Op. 1. D. 51.
26. Protokoly zasedanii plenuma TsB KP(b)B, proekt Konstitutsii BSSR. 5 yanvarya – 8 avgusta 1924 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 1260.
27. Prishchepov D. Zemel'naya politika na prisoedinennykh territoriyakh // Zvezda. 1927. 28 iyulya. S. 2; 29 iyulya. S. 3.
28. Alieva L. V. Realizatsiya Zemel'nogo kodeksa RSFSR 1922 g. v kontekste evolyutsii krest'yanskoi pozemel'noi obshchiny (na materialakh Pskovskoi gubernii) // Pskov. Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal. № 24. Pskov: PGPU, 2006. S. 148–152.
29. Revinskii P. Novyi zakon o zemle v BSSR // Vpered. 1924. № 3. S. 24–29.
30. Dokumenty o sostoyanii sel'skogo khozyaistva i ocherednykh zadachakh agrarnoi politiki v BSSR (doklady, tezisy dokladov, svedeniya, vyvody i dr.). 18 fevralya – 31 iyulya 1925 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 2295.
31. Stenogramma zasedaniya plenuma TsK KP(b)B ot 2–8 maya 1925 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 1992.
32. Protokol zasedaniya plenuma TsK KP(b)B ot 6–8 yanvarya 1926 g., dokumenty k nemu // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 2518.
33. Protokol zasedaniya plenuma TsK KP(b)B ot 27–29 aprelya 1926 g., dokumenty k nemu // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 2522.
34. Stenogramma Kh s"ezda KP(b)B ot 3–10 yanvarya 1927 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 3083.
35. Protokol zasedaniya plenuma TsK KP(b)B ot 22–27 iyulya 1926 g., dokumenty k nemu // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 2524.
36. Stenogramma XI s"ezda KP(b)B ot 22–29 noyabrya 1927 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 3090.
37. Dokumenty ob itogakh obsledovaniya raboty predpriyatii BSSR (protokoly, doklady, vyvody i dr.), 23 sentyabrya – 23 dekabrya 1925 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 2292.
38. Informatsiya ob itogakh obsledovaniya raboty sel'skikh Sovetov Minskogo okr. 28 noyabrya 1926 g. – 22 marta 1927 g. // Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'. F. 4p. Op. 1. D. 2809.